ВОЛШЕБНАЯ ПРОЗА ПОЭТА

Восемь лет назад, когда вышло в свет отдельное издание «Воздушных фрегатов», автору этих строк довелось писать об этой замечательной книге в «Омской правде». И вот нет уже в живых Леонида Николаевича Мартынова, а его «Фрегаты» продолжают свое плавание по необъятному морю литературы: только что появилось на книжных прилавках их продолжение —книга новелл «Черты сходства»*). В короткой издательской аннотации сообщена дорогая для поклонников мартыновского творчества подробность: незадолго до своей кончины автор передал рукопись этой книги издательству.

У книжной полки

В одной из новелл, составивших эту книгу, говорится о стихах венгерского поэта Ади, «которые дают молодым поколениям возможность не только догадываться о прошлом, но и познавать это прошлое, что совершенно необходимо для созидания Грядущего». И, может быть, эта мимоходом высказанная мысль является лейтмотивом книги. Мартынов активно не желает предавать забвению ни одного известного ему писательского имени, каким скромным бы оно ни было; он вспоминает незначительные, на первый взгляд, факты и подробности, касающиеся и громких литературных фамилий. Все нужно, все пригодится — если не будущим историкам литературы, то просто любознательным читателям. Вновь, как и в «Воздушных фрегатах», в «Чертах сходства» проходит перед нами воскрешенная из небытия мартыновской цепкой памятью галерея портретов тех, кто в разные годы встречался автору на литературной дороге.

Трагическая фигура запутавшегося в сложной политической обстановке 1919 года талантливого поэта Георгия Маслова (новелла «Пушкинист и футурист»). Омский литератор, владелец прекрасной библиотеки Николай Викторович Трунев, «просвященный книжник, беллетрист и поэт», также омич Евлампий Минин («Пучина забвения»). Погибший смертью храбрых под Москвой Борис Жеребцов — театровед, подписывавший свои статьи, помещаемые в «Рабочем пути», несколько странным псевдонимом «Бож» («Бывший прапорщик»)... Перечислены лишь отдельные новеллы книги, посвященные благородной цели — не дать их героям сгинуть в «пучине забвения». А сколько имен, сколько живых картин и штрихов из литературной жизни Омска 20-х годов («высокофантасмагорической омской яви») разбросано по другим страницам книги. Футурист Александр Вощакин, рано погибший поэт Николай Калмыков, журналисты из омской окружной газеты «Рабочий путь», книжник из Красноярки Николай Черноков, автор первой в советской литературе фантастической повести Вивиан Итин, безымянный неистовый рапповец — противник лирических стихов...

«Забвенье — чувство, с которым не шутят!» — мысль, в полной мере выстраданная Л. Мартыновым, чье имя не раз пытались искусственно предать забвению. Должно быть, поэтому он стремится «с величайшей осторожностью, величайшим тактом» говорить обо всех этих людях и событиях.

Но как не интересен омскому читателю тот пласт книги, который связан непосредственно с нашим городом, где автор прожил с небольшими перерывами добрых четыре десятка лет, тематика книги была бы сужена, будь она построена лишь на омском материале. География «Черт сходства», как и география «Воздушных фрегатов», чрезвычайно широка. Казахстан, Москва и Подмосковье, Украина, Вологда, Тобольск, крайний север Западной Сибири... Л. Мартынов то вспоминает коллективные литературные сборники, вышедшие в первые годы Советской власти, то рассказывает о своем участии в Балхашской экспедиции и открытии Турксиба, то делится мыслями о футуризме, о таких мастерах отечественной и зарубежной литературы, как Сергей Третьяков, Николай Асеев, Николай Чуковский, Валерий Дементьев, Сергей Сергеев-Ценский, Всеволод Иванов, Сергей Марков, итальянский поэт Вельсо Муччи, венгерский поэт Эндре Ади... И здесь Мартынов остается Мартыновым: он спорит и приглашает к спору читателя, он опровергает устоявшиеся мнения, до сих пор безмятежно почивавшие под солидными корешками энциклопедий.

Характерна в этом отношении новелла «Сергеев - Ценский». Чего греха таить: действительно, сегодня этот большой писатель известен читателю главным образом по «Севастопольской страде», его раннее творчество полузабыто. Мартынов выступает против литературоведов, которые своими оценками как бы узаконивают это положение. И он не жалеет здесь иронии: «наиболее убедительно во всех общих, но ко многому обязывающих, скользко - благочестивых писаниях литературоведов - энциклопедистов наиболее убедительно звучит лишь концовка, я думаю, справедливо констатирующая, что «творчество Сергеева-Ценского до сих пор недостаточно изучено».

Чем отличаются новеллы Л. Мартынова от многочисленных литературных воспоминаний? Пожалуй, прежде всего — интонацией, счастливо найденным и четко выдержанным от начала и до конца доверительным тоном рассказа. Разговор с читателем ироничен, насквозь ассоциативен, то и дело преисполнен юмора, адресованного в том числе и самому себе, иногда взволнованно приподнят, но всегда, во всех случаях предельно искренен. В результате перед читательским взором возникает еще один (не главный ли?) герой книги — рассказчик, автор. Это прошедший нелегкие жизненные испытания человек, он мыслит широко, остро и главное — современно, не учит, а делится сокровенными мыслями, родившимися в результате долгих раздумий, трудов, потерь и счастливых находок. Его оценки литературных и жизненных явлений порой неожиданны, а порой и суровы. Но он суров и по отношению к самому себе. В новелле «Самозванство» в противовес тем, кто пишет, что Мартынов — философ, мыслитель и чуть ли не учитель жизни, сказано: «А я — это я и никто больше, чем лирический поэт Леонид Мартынов, обладающий лишь своими собственными, отнюдь не философическими предками и лишь своей большой или малой неповторимостью».

Проза Л. Мартынова именно неповторима — щедра метафорами, тонкими и как бы мимолетными наблюдениями, перерастающими порой в глубокие исследования. И еще одна черта — обилие деталей, с помощью которых время, эпоха обрисовываются порой точнее, чем посредством часто встречающихся в мемуарной литературе длинных описаний и толкований.

Торжественное открытие Турксиба, во время которого «некоторые казахи почтительно подчеркивали похожесть старого политкаторжанина Вениамина Вегмана на Карла Маркса, американской журналистки на русскую бабу, Сеи Катаяму принимали за казаха, композитора Виссариона Шебалина за японца».

Рабкор Барсуков, стесняющийся своей начитанности, скрывающий свое знакомство с поэзией Тютчева.

Примеры можно было бы множить и множить.

В новеллах немало неожиданных сюжетных поворотов, и резкие переходы выглядят естественными — таков раскованный, эссеистский строй книги. Но эта внешняя раскованность в каждом отдельном случае четко организована до деталей продуманной композицией. Порой новеллы напоминают стихотворения в прозе — столь филигранно они выстроены.

Поражают энциклопедическая эрудиция автора «Черт сходства», широта его интеллектуальных интересов. Речь в книге идет не только о вопросах литературных, но и об изобразительном искусстве, философии, истории или, например, об эволюции органических соединений на Земле: «земная жизнь не подарок свыше, не с небес к нам прилетела, а наше земное, кровное дело!» («Исповедь читателя»).

Автор щедро цитирует стихи — свои и чужие. Они органично входят, вплетаются в сложную ткань повествования, дополняя, делая терпче прозаический текст. «Я помню все: в кирпично-пыльном Омске они пришли на городской базар, я помню груди, плоские, как доски, щетину щек и мутные глаза, и ребятишек старческие маски, когда, изъяв из подзаборных дыр, красноармеец в однорогой каске их вел в Чека как грустный командир» — это из мартыновского стихотворения, написанного в страшном 21-м году, когда в Омск хлынули из голодающего Поволжья толпы беженцев. «Прикрыв лицо степного зверства культурной беженскою пленкой, такою хрупкою и тонкой, возникли в Омске министерства», — это из Александра Вощакина. «Хохочет слепая буря, усталых сбивая с ног, и села горят, дежуря, на перекрестках дорог», — это из Евлампия Минина.

Такое обилие стихотворных цитат как бы подчеркивает: нельзя подходить к мемуарным книгам Л. Мартынова как к документу, вернее — только как к документу. Да, они написаны на документальной основе. Главный «документ», главный их источник — память автора. А рядом — цитата из старого журнала, из архивного дела или научного исследования. Но все же и «Фрегаты», и «Черты сходства» — произведения художественной литературы, и в этом гармоничном счастливом сочетании сухого документа и трепетной поэзии, может быть, и заключен главный секрет прелести мартыновской прозы.

А. ЛЕЙФЕР.

---

*) Леонид Мартынов. Черты сходства. Новеллы. Составитель В. В. Сякин. М., «Современник», 1982.